

Линь Чэн одной рукой держал стойку с капельницей, другой сжимал грелку, а под мышкой зажал сценарий, следуя за Ван Цзэвэнем.

Они вошли в временно сооружённый рабочий навес неподалёку. Открыв дверь, они оказались в густом облаке дыма, где отдыхала группа сотрудников съёмочной команды.

Линь Чэн подумал, что у Ван Цзэвэня есть какие-то указания, и, привычным движением освободив одну руку, достал из кармана блокнот и ручку, готовясь записывать. Однако Ван Цзэвэнь, осмотревшись по сторонам, вытащил стул и поставил его перед Линь Чэном.

Они переглянулись.

Видя выражение лица Линь Чэна, будто тот ждёт проверки, Ван Цзэвэнь не смог удержаться от улыбки и, указав на стул, сказал:

— Садись сюда. В будущем можешь приходить сюда отдыхать и читать сценарий.

Услышав это, несколько человек рядом также дружелюбно улыбнулись Линь Чэну.

Профессионализм Линь Чэна был очевиден для всех.

Он присоединился к актёрскому составу уже в процессе работы, и у него не было достаточно времени на подготовку. Поэтому он приходил на площадку на один-два часа раньше, учил реплики, читал сценарий и наблюдал за игрой других. Он почти не пользовался телефоном и не слонялся без дела. Он прилагал все усилия, чтобы как можно быстрее влиться в коллектив.

По сравнению с другими он вполне мог бы получить медаль образцового ученика.

Вся съёмочная группа осталась довольна его отношением. Умных и трудолюбивых актёров найти непросто, и, в отличие от ленивых «гениев», они предпочитали таких новичков, которые шагают уверенно.

Поэтому, даже если Линь Чэн допускал ошибки, свойственные новичкам, все с терпением объясняли ему и давали советы, чтобы он понял.

Весь съёмочный коллектив хорошо относился к нему, и, когда он заболел, никто не возражал против того, чтобы проявить о нём дополнительную заботу.

Линь Чэн понимал их добрые намерения и искренне поблагодарил всех.

Ван Цзэвэнь сел на своё «тронное» место и распорядился:

— Покуривайте поменьше. Подвиньте сюда обогреватель.

Кто-то принёс электронный обогреватель, а Лю Фэн сам пододвинул его к Линь Чэну, отрегулировал угол и принёс ему плед.

Увидев, что Линь Чэн полностью укутан и больше не замёрзнет, Ван Цзэвэнь перестал обращать на него внимание и повернулся к работе.

Тепло от обогревателя позволило Линь Чэну постепенно согреться.

Не то чтобы окружающая обстановка была слишком уютной, но, читая сценарий, Линь Чэн начал чувствовать сонливость. Подперев рукой подбородок, он незаметно уснул.

Съёмки во второй половине дня прошли необычайно гладко. Несколько сцен были сняты с первого дубля после репетиции, и даже Ван Цзэвэнь не мог найти ошибок. Его суровое выражение лица постепенно смягчилось, и даже появилась тень удовлетворения.

Все были в хорошем настроении и думали, что, поскольку сегодня эффективность высокая, можно снять ещё пару сцен, чтобы снизить нагрузку на будущее. Вдруг Ван Цзэвэнь крикнул в рупор:

— Подождите!

Двое главных актёров, снимавшихся в этот момент, замерли, не понимая, в чём они снова ошиблись. Тут же послышался шум и гам, суэта, звук передвигаемых стульев.

Линь Чэн сидел сзади так тихо, что Ван Цзэвэнь совсем забыл о его существовании. Случайно обернувшись, он заметил, что тот всё ещё сидит, но не придавал этому значения. Спустя какое-то время он вдруг вспомнил, что на руке Линь Чэна висит капельница, и не знал, сколько времени уже прошло, как капли закончились, а кровь уже пошла обратно в трубку.

Он поспешил подойти и вытащил иглу.

Раствор для снижения температуры был довольно едким, и вокруг вены на руке Линь Чэна появились редкие красные точки, особенно заметные на его коже. Его ладонь была ледяной, а пальцы раздулись от озноблений.

Линь Чэн проснулся от его суеты, растерянно открыл глаза и, увидев беспомощное выражение лица Ван Цзэвэня, понял, что произошло.

Он тут же встал, но сценарий, лежавший у него на коленях, нечаянно соскользнул на пол. Линь Чэн посмотрел вниз, растерянно наклонился, чтобы поднять его, выглядя совершенно дезориентированным.

Ван Цзэвэнь тихо вздохнул:

— Ладно, иди отдохни. Ночной съёмки сегодня не будет, подождём, пока спадёт температура. В любом случае мы арендовали эту площадку на какое-то время.

Линь Чэн быстро пришёл в себя, сжал губы, разгладил загнутые углы сценария и прижал его к груди.

Видя упрямое выражение лица этого честного парня, Ван Цзэвэнь сразу понял, о чём он думает. Люди с сильным чувством собственного достоинства больше всего боятся доставлять другим неудобства.

Ван Цзэвэнь похлопал Линь Чэна по плечу:

— У меня тоже есть дела, сегодняшний график всё равно придётся корректировать, так что не переживай. Ты уже хорошо справляешься.

Несколько старших коллег рядом также поддержали:

— Да-да. Малыш Линь, не торопись, следи за здоровьем.

Вечером у Ван Цзэвэня действительно были дела: продюсер затащил его на встречу с инвесторами.

Хотя Ван Цзэвэнь курил, он не любил пить, особенно во время работы. Сигареты помогали ему сохранять ясность ума, а алкоголь лишь притуплял нервы. Все, кто его знал, были в курсе его привычек. Поэтому даже на встрече с инвесторами он лишь слегка пригубил.

Ужин длился два-три часа, и обе стороны остались довольны. После завершения продюсер вызвал ассистента, чтобы отвезти Ван Цзэвэня обратно.

Ван Цзэвэнь вернулся в отель и, войдя в холл, почувствовал, что от тёплого воздуха алкоголь словно испарился из крови, и его моментально клонит в сон.

За последние пару дней он очень устал. Сотрудники съёмочной группы устают больше, чем актёры: им приходится работать с высокой интенсивностью, чтобы обеспечить нормальный ход процесса, и несколько бессонных ночей подряд считаются нормой. В его команде было достаточно денег, чтобы не убиваться так сильно, но при возникновении непредвиденных ситуаций или на поздних этапах съёмок всё равно приходилось работать до изнеможения.

Ван Цзэвэнь вошёл в лифт, помассировал виски, лениво приоткрыл веки и в тусклом свете лифта посмотрел в зеркало на свои затуманенные глаза.

Цифры на этаже продолжали меняться, и он вдруг вспомнил о Линь Чэне.

Сегодняшнее лицо Линь Чэна было не очень хорошим, он не знал, хорошо ли тот отдохнул. Может быть, стоит зайти посмотреть, как он.

Подумав так, он уже нажал кнопку этажа.

Так как в отеле было жарко, Ван Цзэвэнь с лёгким раздражением потянул воротник, затем снял пиджак и перекинул его через плечо. Постучал в деревянную дверь перед собой.

Вскоре изнутри слышались шаги. Пауза у двери, затем щелчок замка.

Линь Чэн был в обычном белом свитере, без носков, с мокрыми волосами и с удивлением смотрел на него.

Ван Цзэвэнь заглянул ему за спину в комнату, увидел разбросанные на столе бумаги и ручки и с улыбкой сказал:

— Изучаешь сценарий?

Линь Чэн кивнул.

Улыбка на лице Ван Цзэвэня стала ещё искреннее.

Линь Чэн не был любителем поговорить, в отличие от тех, кто вездесущ и услужлив. Он был в группе уже много дней, но, кажется, так и не завёл друзей.

Честно говоря, он считал, что такие люди мало подходят для шоу-бизнеса. Но ему нравилась эта чистота.

Ван Цзэвэнь шагнул внутрь и спросил:

— Сколько лет ты работаешь ушэном? Сколько времени ты снимаешься в сериалах? Я заметил, что ты не робеешь перед камерой, просто профессионализм чуть-чуть хромает.

Линь Чэн на мгновение замер, затем, следуя за ним, ответил:

— На самом деле, уже больше десяти лет.

— Десять лет?! — Ван Цзэвэнь вздрогнул, оглядел его с головы до ног и сказал, — я помню, тебе всего двадцать с небольшим!

— Двадцать пять, — спокойно ответил Линь Чэн. — Когда мне было чуть больше десяти, я уже работал массовой в Хэндяне. Если считать массовку, то да, больше десяти лет. Но тогда не всегда были шансы попасть в кадр, и никто не учил.

Какая может быть техника у массовой в сериалах? Как бы плохо ты ни играл, зрители всё поймут.

Ван Цзэвэнь сел на диван, отодвинул стопку бумаг на столе, посмотрел на текст и спросил:

— То есть ты начал работать ещё в средней или старшей школе?

— Угум, — Линь Чэн сел напротив. — Дома никого не было, я сам зарабатывал на учёбу.

Ван Цзэвэнь ещё раз посмотрел на него:

— И как, сценарий понимаешь?

Он вовсе не хотел дискриминировать, но сценарий «Ночного дождя» был довольно сложным, с множеством классических текстов. Без определённого культурного уровня его действительно было трудно понять.

Многие актёры вообще не понимали сценарий и могли только заучивать его наизусть. Даже так, они учились с трудом и не могли передать эмоции в репликах. Режиссёру хотелось оторвать себе голову и отдать им.

Линь Чэн ответил:

— Понимаю. Я учился в обычной старшей школе, потом поступил в университет, продолжаю учиться. Классический китайский, история — всё это я изучаю. Читаю также научные статьи.

<http://bllate.org/book/16818/1564709>